

О религиозной лжи национализма - Мережковский Д.С.

произведение вошло в книгу "Было и будет. Невоенный дневник". 1914–1916

Война с войной — таков желательный для нас, должный смысл настоящей войны. Но таков ли смысл данный, действительный?

Против милитаризма как ложной культуры выставляется принцип культуры истинной, всечеловеческой. Но принцип этот оказывается на наших глазах отвлеченным и бездейственным. Никогда еще за память европейского человечества не бывало такого попрапия самой идеи культуры всечеловеческой.

Утверждение, будто бы Германия — страна малокультурная, легкомысленно и невежественно. Связь Канта с Крупном сомнительна. Но если какая бы то ни была культура может привести к тому, к чему привела Германию, то сама культура — палка о двух концах. В настоящей войне она не с варварством, а с иной культурой борется: кажущаяся истинной — с кажущейся ложной. А чтобы отделить ложную от истинной, в самой культуре, по-видимому, нет меры абсолютного.

Существо культуры сверхнационально, всемирно. «Потребность всемирного соединения есть последнее мучение людей. Всегда человечество, в целом своем, стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великой историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимур и Чингисханы, пролетели, как вихрь, по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему соединению» (Достоевский, «Великий инквизитор»).

Эта потребность — одна из главных движущих сил древнего, дохристианского человечества. Ассирия, Мидия, Македония — неудачные попытки всемирного соединения. Первая удача — Рим. *Tu regere imperio, Romane, memento* — в этом сущность Римской империи. Рим есть мир, и «римский мир», *рах гомана*—воистину «мир всего мира». Таков первый момент всемирного соединения внешнего, государственного, как будто вечного, а на самом деле мгновенного равновесия, как будто непоколебимого, а на самом деле неустойчивого. Нашествие варваров, по преимуществу германцев, — своего рода национальная реакция против римского единства, возвращение к национальной самобытности племен — разбивает изнутри это внешнее единство римской империи, как теплые, вешние воды разбивают ледяную кору.

Второй момент — всемирное соединение уже не внешнее, а внутреннее, во имя не человеческого, а Божеского Разума, Логоса. Отвлеченная идея человечества впервые воплощается в церкви вселенской, и «Римский мир» становится миром Божиим — *рэх Dei*. Но тут же, в самой церкви, происходит смешение двух несовместимых начал — церковного и государственного. Вот почему и это второе соединение, второй «мир всего мира» оказывается непрочным. Опять национализм вторгается в единство всемирное, но уже не изнутри, а извне, и раскалывает его сначала на две половины — восточную и западную церкви, потом на множество национальных, поместных церквей. В этом смысле реформация, не случайно германская, есть второе «нашествие варваров».

Третий момент — Великая французская революция и неизбежный вывод из нее — наполеоновская империя, новое возрождение древнего единства римского. Объявляя целью завоеваний своих «*le règne de la raison humaine*» — царство человеческого, только человеческого разума, Наполеон совпал с Робеспьером. И в третий раз национализм разрушает единство всемирное: борьба за национальную самобытность против Наполеоновской империи, т. е. в последнем счете против революции, приводит к Священному Союзу, к злейшей реакции.

Наконец, четвертый момент, пока не осуществленный в истории, — социализм. Сейчас мы видим воочию только беспомощность его как начала объединения всемирного.

Настоящая война — продолжение «отечественных», «освободительных» войн с Наполеоном (1812–1815 гг.) — по внешности тоже освободительная, «народная» война с империализмом Германии, выразившимся будто бы исключительно в «прусской военщине». Но это именно только по внешности: в действительности существует неразрывная связь между империализмом и национализмом не в одной Германии, но и во всех ее противниках. У всех современных европейских народов под пеплом национализма тлеет огонь империализма, в большей или меньшей степени: тут количественная, а не качественная разница.

Что же такое национализм? Утверждение национальной правды, частной и относительной, как абсолютной, всеобщей и всечеловеческой. «*Deutschland, Deutschland* йте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог» (т. е. с нами с одними и больше ни с кем) — эти два лозунга одинаково кощунственны. Национализм лицемерно, словесно утверждает — искренне, деятельно исключает все другие национальности, кроме своей: если национальная правда абсолютна, то она исключительна, единственна, ибо не может быть двух абсолютов.

С патриотизмом, с чувством родины национализм не совпадает метафизически. В плоскости духовной, внутренней, понятие родины шире, чем понятие государства: самое живое, личное в быте народном не вмещается в бытии государственном. В плоскости материальной, внешней, понятие государства шире, чем понятие родины: в одном государстве может быть много народов, много родин. Это значит, что патриотизм может быть и внегосударственным: у современных поляков и евреев нет государства, но есть родина. Существо национализма всегда государственно. Но существо самого государства сверхнационально. Понятие нации вмещается в понятие государства, но не обратно: много наций может входить в одно государство. Нет столь малой державы, которая не стремилась бы сделаться «великой», на счет других меньших. Неизбежный метафизический предел государственности — «великодержавность», империализм, нация, утверждающая свою частную, относительную правду как абсолютную и всечеловеческую.

Вот почему национализм, метафизически связанный с империализмом, по природе своей хищен, воинствен и завоевателен.

Нет национализма без империализма. Под вечным предлогом защиты своего отечества он вечно нападает на чужое, незащищенное. Глаза у него «завидующие», руки «загребущие». *Ex ungue leonem*, по когтям узнается лев или волк: национализм — волк в овечьей шкуре.

Борьба с национализмом — главная задача русской интеллигенции. Кажется, ни в одной стране, ни в одну эпоху борьба эта не велась так непримиримо. От Чаадаева до Вл. Соловьева русское «западничество», борьба со славянофильством и есть не что иное, как борьба с национализмом. «Да будет проклята всякая народность, исключаяющая из себя человечность!» — этот завет Белинского — завет всей русской общественности.

В этом смысле Петр Великий — наш первообраз: первый западник, он в то же время самый русский из русских людей. И как бы ни смешивал он идеи национальной с государственной, сущность его остается сверхнациональной, всемирной. То же в Пушкине и во всей русской литературе: народность возвышается в ней до всечеловечности.

Тяжкий грех славянофильства — мнимое признание, действительное отрицание всемирности. Одно из главных свойств русского славянофильства — мягкотелость, бескостность, неумение или нежелание доводить мысль до конца, договаривать, ставить точки над *i*. Вот эту-то недоговоренную мысль и обнажает в кристально-ясной, математически-точной формуле Тютчев, самый бесстрашный и последовательный из русских славянофилов. Он вкладывает кости в тело, ставит точки над *i*. Логика его беспощадна: стоит принять посылки, чтобы сделать неизбежные выводы.

Сущность революции, утверждает Тютчев, есть человеческое я, ставящее себя на место Бога; «самовластье человеческого я, возведенное на степень политического и социального права». Сущность эта — антихристианская, «антихристова», ибо «антихрист» и есть человек, поставивший себя на место Бога, «человеко-бог».

Таковы посылки, а вот и выводы.

Сущность европейского Запада — революция, антихристианство, т. е. абсолютная ложь, а человеческое общество, построенное на лжи, обречено на гибель.

«Будет ли Франция иметь силу отречься от революции, сделаться снова христианской и монархической? — спрашивает Тютчев в 1870 г., накануне Коммуны. — Если нет, то гибель ее неизбежна». И не только гибель Франции, но и всего европейского Запада. «Запад отходит, все рушится, все гибнет в этом общем пожаре. Цивилизация убивает себя своими собственными руками, — предсказывал он еще в 1848 г. И в 1873 г., после Коммуны: "что-то в роде размягчения мозга у целой нации... состояние близкое к идиотизму... Судорога бешенства овладела Европой... Целый мир стал воплощенной ложью..." Последнее слово Запада — "слово Иуды, который, предав Христа, очень умно рассудил, что ему остается одно: удавиться"».

Все вообще славянофилы ненавидят Запад, может быть, не менее Тютчева, но стыдятся, робеют и сами не знают, что делают, когда с медвежьего ловкостью сгоняют муху со лба спящего друга бульжником. Тютчев знает. Правда, для него это только «игра ума», но что для него игра, то для других дело.

Все мысли Достоевского о «человекобожестве» революции почти дословное повторение Тютчева.

Люди стыдливо скрывают тайну своего рождения: так славянофилы скрывают ненависть к Западу. Тютчев обнажил этот стыд, и если нагота оказалась чудовищной, то вина не его, а того учения, которое он проповедует.

Человекоубийственная ненависть — таков стыд славянофильства, обращенный к Западу, а вот и другой стыд, обращенный к России.

Всю тебя, земля родная,

В рабском виде Царь Небесный

Исходил, благословляя.

Это значит: Христос благословил Россию, а все остальные народы проклял.
«Russland, Russland, ше ни с кем.

В мире только две силы: Россия и революция. «Между тою и другою не может быть ни договоров, ни сделок: что для одной жизнь, то для другой смерть. От исхода их борьбы зависит вся будущность человечества... Над громадным крушением Запада всплывает еще более громадная русская держава святым ковчегом... Кто дерзнет усумниться в ее призвании?»

Не верь в Святую Русь, кто хочет,

Лишь верь она себе самой!

«Ну вот, мы в схватке со всей Европой» (в 1854 г., накануне Севастополя). Это «заговор». «В истории не бывало примеров гнусности, замышленной и совершенной в таком объеме»... Ополчение Европы против России — ополчение самого «антихриста» против Христа:

Все богохульные умы,

Все богомерзкие народы

Со дна воздвиглись царства тьмы...

Дело идет о последней борьбе всего западноевропейского человечества с Россией. Очень возможно, что Россия погибнет. Но если бы случилось, что погибнет не она, то уже не с Россией придется иметь дело Западу, а с чем-то исполинским и окончательным, чему еще нет имени в истории. Предсказание Наполеона на Св. Елене: «через 50 лет Европа будет революционной или казацкой» (т. е. русской) на наших глазах исполняется. Революция и Россия — «море и утес»: волны бьют об утес, разбиваются и, рано или поздно, присмирят окончательно.

И без вою, и без бою,

Под гигантскою пятою

Вновь уляжется волна.

Вся Европа под пятою России. Или, как Хомяков предсказал:

И другой стране смиренной

Бог отдаст судьбу вселенной,

Меч земли и гром небес.

От такого смирения, пожалуй, сам дьявол не отказался бы.

Но всего бесстыднее открывает Тютчев наготу славянофильства именно там, где оно всего стыдливее, — в вопросе о религиозном смысле самодержавия.

Власть царя — и мирская, и церковная вместе — власть от Бога; помазание Божие; царь — не только царь — глава государства, но и первосвященник, глава церкви, наместник Христа, папа, хотя и обратный, потому что в Риме церковь становится государством, а в России государство — церковью. В этой противоположности двух теократии, восточной и западной, заключается главная мысль Достоевского, который идет дальше всех славянофилов; но и он до конца не доходит. Тютчев дошел до конца.

О будь же, царь, прославлен и хвалим,

Но не как царь, а как наместник Бога, —

т. е. как папа Третьего русского Рима.

Он божеством себя провозгласил,

О новом богочеловеке

Вдруг притча создалась — и в мир вошла, —

мог бы сказать Тютчев о нем же, о русском царе-первосвященнике.

Между тем как новые «славянофилы» (Булгаков, Бердяев, Эрн, Флоренский и прочие «веховцы») косноязычно мямлят — Тютчев говорит внятно: самодержавие и православие связаны, как внешность и внутренность, форма и содержание, тело и дух; самодержавие — апокалипсис православия; православие в самодержавии исполняется; разорвать их значит убить. И наконец последний вывод: русская всемирная империя.

«Нельзя отвергать христианскую империю, не отвергая христианской церкви: они обоюдны (соггю (абсолютною)». Единая вселенская церковь — единая вселенская империя.

Ее восстановлению должны содействовать два великих дела: в области светской — образование Греко-Славянской империи; в области духовной — воссоединение церквей, или, вернее, поглощение западной церкви восточную.

«Империя существовала всегда, только меняла властителей. Четыре империи: Ассирийская, Персидская, Македонская, Римская. С Константина

Равноапостольного[30] начинается пятая, окончательная, христианская; ее завершение — Россия».

Что значит «христианство» этой христианской империи, видно из того, как Тютчев решает судьбы входящих в нее народов.

«Или быть Польше, или быть России». А так как, разумеется, быть России, то Польше не быть: уничтожить ее, раздавить «под гигантскою пятою», и не ее одну, но и Австрию, Италию, Германию — все «богомерзкие народы». Давить и душить — «в одной руке распятие и нож», как говорит он о Первом и мог бы сказать о Третьем русском Риме. Человекоубийство под знаменем Христа; царство «Зверя» под знаменем царства Божьего.

Византийская реставрация Тютчева, эта драгоценная ткань, оказалась непригодною для русской политики: дело обошлось дешевле. Но на полинялой тряпице современного славянофильского национализма, если всмотреться в него, можно узнать тот же византийский узор — «орлики да крестики», как на златотканой ризе Тютчева. Он вскрывает самую сущность того, что выдается и по сей день за «русский стиль», «русский дух». Тютчев не лучше и не хуже других славянофилов: он только правдивее всех.

В настоящей войне происходит торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в «зоологический патриотизм». Вот почему исконная задача русской общественности — борьба с национализмом — сейчас труднее и ответственнее, чем когда-либо.

Борьба велась доньше в позитивной плоскости. Но окончательное преодоление славянофильского национализма возможно только в той плоскости, где сам он движется, а именно в религиозной.

В этом отношении польская интеллигенция может быть сейчас могущественной идейной союзницей интеллигенции русской. В учении польского мессианизма вопрос об отношении национальной правды к человеческой поставлен религиозно, т. е. именно так, как должна была и не сумела поставить его русская интеллигенция.

Польский мессианизм наиболее противоположен русскому славянофильскому национализму. Сущность идеи мессианской — не хищное, насильственное господство одного народа над всеми другими, а служение, самоотречение, страдание, жертва. «Кто из вас хочет быть господином, да будет всем слугой; кто хочет быть первым, да будет последним».

Великие страдальческие судьбы Польши — небывалая всемирно-историческая Голгофа. Ни один народ так не страдал, кроме народа Божьего, народа Мессии преимуществу — Израиля. Польша и есть новый Израиль,

воистину новый народ Божий. Идея жертвенного служения воплотилась в нем как ни в одном из христианских народов. Россия страдала за Европу; Польша страдает за Россию. «Язвами ее мы исцеляем». В этом смысле польский народ — воистину народ-«богоносец».

Лучшее лекарство от застарелой русской болезни — «славянофильского национализма» — польский мессианизм, жертвенное служение народа высшей правде всечеловеческой.

Вот почему совершающееся ныне духовное сближение Польши с Россией может быть спасением обоих народов. «Еще Польша не сгинула» — да прозвучит в наших сердцах, как вечный завет: «Еще Россия не погибла».

Вместе погибали — вместе и спасемся.